

Александра Окатова

Недоступная
принцесса.

Сказки для мужа

Александра Окатова

**Недоступная принцесса.
Сказки для мужа**

«Автор»

2013

Окатова А.

Недоступная принцесса. Сказки для мужа / А. Окатова —
«Автор», 2013

Яркая, образная проза Александры Окатовой рассчитана на самого взыскательного читателя. Психологическая достоверность и обилие конкретных деталей соседствуют с элементами сказочности, мистики, что делает её произведения по-настоящему увлекательными. При этом автор в каждом рассказе ставит перед нами вечные вопросы человеческого бытия и пытается найти на них свои ответы.

© Окатова А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Недоступная принцесса	5
Край непуганых принцев	10
Замки, воздушные и не очень	14
В поисках рая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Окатова

Недоступная принцесса. Сказки для мужа

Недоступная принцесса

Она по праву называлась недоступной.

Никто никогда не мог похвастаться, что близко подступился к ней. Она гордилась своей недоступностью. И тратила массу усилий, чтобы свою недоступность доказать. Поэтому, если на подступах к месту дислокации принцессы появлялся какой-либо принц, то по системе оповещения, спасибо мобильной связи, принцессе тут же сообщали об опасности, и она снималась с места и срочно переезжала на новое, тоже, конечно, недоступное, место.

Вот и сейчас, она только расположилась в центральном Тибете, погостить в монастыре, и надеялась, что пробудет там не менее двух месяцев, как сегодня вечером она чуть не потеряла свою недоступность. Группа её фанатов приближалась по горной дороге к стенам монастыря. Она срочно должна была убраться отсюда.

А принцесса ругалась, топала ногами от бессильного негодования, а потом опять начала собирать чемоданы. Почему принцесса сама собирала чемоданы? – спросите вы, разве так бывает? Бывает. Принцесса только что уволила свою горничную. Что называется, с треском. Она, горничная то есть, оказалась продажной тварью, нахалкой и невоспитанной фурией, на что принцесса получила: сама фурия! На такое заявление трудно ответить достойно, и принцесса спор проиграла. Горничная кинула в чемодан платье, которое она держала в руках, и бросила свою хозяйку.

Потому-то принцесса и собирала чемодан сама. С непривычки это оказалось очень утомительным занятием. Вот парадокс: она, Недоступная принцесса, вынуждена каждые две недели, редко больше удавалось прожить на одном месте, переезжать на другое место. Все её люди хранили в тайне место, куда она направлялась, но через несколько дней непонятно каким образом в прессе появлялись заметочки, сейчас-то понятно, что эти заметочки появились от того, что фурия-горничная выдала симпатичному репортёру тайну местонахождения Недоступной принцессы.

В туманных выражениях в заметочках были зашифрованы приметы, по которым её поклонники каким-то обострённым чутьем угадывали, куда она собирается переезжать, через неделю начинался шторм, а через две нахальный поклонник появлялся на пороге её резиденции и она вынуждена была опять сниматься с места и в который раз переезжать.

На этот раз она решила укрыться в самом сердце пустыни. И поехала в Африку. В пустыню Сахару. Поддержать славу недоступной принцессы. До Сахары наша горемыка-принцесса не доехала. Она преодолела горную область по дорогам с нависшими над ней скалами из розовых гранитов, вишнёвых андезитов и чёрных габбро. Она пересекла каменистую хамаду.

Пошёл песок. Бедную принцессу закутали в бурнус, замотали шею и голову трехметровым полотнищем, которое называется «шеш», родная мама не узнала бы! Ночью лагерь принцессы был поднят на уши страшным шумом: принцессу собирались похитить! Она забилась в угол палатки и просидела там остаток ночи. Утром оказалось, что действительно похитили, только молодого мальчика-погонщика – его перепутали с Недоступной принцессой. Испуганная ночным происшествием принцесса, наслушавшись к тому же страшных рассказов о песчаном тумане, поющих песках и зловещей музыке солнца, захотела срочно выехать из опасного места и наутро покинула негостеприимную землю Сахары, заблудившись напоследок в зарослях кактусов, где пришлось прорубать дорогу. Во время бегства ей пришлось питаться только

плодами кактусов, которые оказались сладкими и сочными, особенно вкусны они оказались со льда, охлаждёнными.

Прошло десять лет.

Недоступная принцесса по-прежнему заслуженно пользовалась славой самой недоступной. Можно сказать, почивала на лаврах. Это очень опасное занятие. Только ты расслабишься, как раз и тебя спихнут с Олимпа. Подрастает, однако, молодая смена, за десять-то лет выросли пигалицы, на которых она раньше и внимания-то не обращала, того гляди, её и подвинуть могут: кому сказать – не поверят!

За эти десять лет её уже достали эти переезды! Сколько можно! Надоело. Так надоело, что её ничто не радовало. Она устала метаться. Она уже лет десять болталась, можно сказать, по миру, чтобы поддержать репутацию самой недоступной. Поддерживать репутацию всегда трудно, а репутацию недоступной принцессы вдвойне. Денег на это требовалось всё больше, истрепались платья, стоптались ботинки, представляете, принцесса-бомжиха, вот ещё не хватало! Ещё в последнее время всё чаще случались конфузы: для поддержания реноме она забиралась в самые недоступные места, и никто её не искал, представляете?

«На борту парусника» Каспар Давид Фридрих

Недавно она забралась в Бермудский треугольник. Она плавала там в шлюпке с матросами и спрашивала, заметьте, очень вежливо:

– Господа матросы, а где же всё-таки находится этот, с позволения сказать, треугольник? Что-то я ничего не вижу на горизонте. А что показывает ваш компас? – ввернула она морское словцо, сделав ударение на букве «а».

Матросы грубо заржали, чем очень обидели принцессу, она надула губки и замолчала. И только старый матрос, который всегда держал занавеску, когда она справляла нужду, сказал:

– Компас всегда указывает на север, а человек сам выбирает, куда он пойдёт. Жизнь всегда указывает на смерть, а сердце – на любовь. Ты девка справная, кончай дурью маяться, выходи замуж, рожай детишек, а то скоро тебя никто замуж не возьмёт!

Так они плавали целую неделю, пока хватило провизии и терпения принцессы кушать грубую матросскую еду и какать на весу за шёлковой занавеской. Но чего не сделаешь для поддержания статуса самой недоступной. К её удивлению ни один, даже самый захудалый поклонник, не потрудился найти её в пресловутом Бермудском треугольнике. Она расстроилась, но не пала духом. Сказывались десять лет лишений и борьбы.

Теперь она собиралась на остров Пасхи, Рапа-Нуи, в юго-восточном углу Тихого океана. Очень даже недоступный! Она пробыла там три месяца: насмотрелась на каменных исполинов досыта, и так они ей надоели, хоть плачь! До того, что и смотреть на них уже не могла. Пересчитала все восемьсот восемьдесят семь моаи несколько раз, а ни один поклонник так и не появился. Что делать?

Тогда она направились резко на север, на остров Элсмир, там, в пятистах восьми милях от северного полюса, в компании всех пятерых жителей Элсмира она пробыла месяц, гуляя от скуки в сугробах между метео— и радиостанцией. Никто из находящихся в добровольном заточении даже не попытался за ней поухаживать.

Она озадачилась и рванула в прямо противоположном направлении: на станцию Мак-Мёрдок, американский научно-исследовательский центр, на леднике Росса, в Антарктике. Населения там полторы тысячи человек, три аэродрома и вертолётная площадка, и целых сто зданий. Недоступная принцесса прибыла на вертолёте и очень удивилась, что её из местных никто даже не встретил. И ни один поклонник на протяжении двух месяцев не прислал ей ни письма, ни телеграммы, хотя она, против своих привычек, разместила в журнале «Национальная география» маленькую, но прелестную фотографию в стиле «я на фоне ледника в Антарктиде», на фото она вышла очень милой и в меру недоступной, подпись гласила: «Привет моим друзьям!», и адрес: Антарктида, ледник Росса, Недоступной принцессе. Но ни один так и не воспользовался такой деликатной подсказкой. Она всерьёз обеспокоилась.

Через некоторое время она отправилась на остров Буве, опубликовав уже очень нескромное сообщение в Таймс: Недоступная принцесса ждёт своего принца на острове Буве, в южной части Срединно-Атлантического хребта на зависимой норвежской территории, названной в честь французского капитана Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье, заметившего затерянный и неприступный, как сама принцесса, остров 1 января 1739 года. Наша принцесса очень уважала Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье за его имя и никогда не думала, как многие другие, что это весь экипаж корабля, а не один человек, как это было на самом деле. Отчаянный призыв недоступной принцессы и на этот раз остался без отклика. Молодые люди нагло проигнорировали его. Она расстроилась, хотя годы, можно сказать, скитаний и закалили её характер, и ничего её не пугало, кроме того, что её теперь никто, кажется, не собирался добиваться.

Она даже побывала в точке Немо, месте относительной недоступности, самой удаленной от суши точке Тихого океана, с координатами: 8 градусов 53 минуты северной широты и 123 градуса 24 минуты западной долготы. Принцесса и не надеялась на то, что её кто-то будет разыскивать, просто она любила романы Жюль Верна, и особенно его героя, капитана Немо, вот кто подошёл бы ей как супруг, такой же недоступный, как она, и были бы они вдвоём все двадцать тысяч льё под водой: оба такие недоступные! Увы, опять её никто не искал.

На Эверест она решила уже не забираться. И смысла нет, да и возраст уже не тот, двадцать восемь лет не шутка. Пора бы осесть где-нибудь в недоступном месте и – замуж! Недоступной она теперь была даже без каких-то усилий: просто потому, что никому, похоже, не было до неё дела. Она подумала-подумала, и успокоилась. У неё русские корни, да ещё польская кровь, характер получился – порох с бертолетовой солью, в общем, огонь, да ещё бывалая путешественница, теперь ей не страшны никакие суровые условия. Она ничего не боялась, научилась

терпеть холод и зной, голод и обжорство. Поэтому она выбрала для места постоянного проживания Россию, Владимирскую область, Нестеровский район, деревню Пенья. Название происходило от слова «пенья», в смысле коренья, но с течением времени название трансформировалось в Пенье, как искусство извлечения звуков с помощью голосовых связок. Да так и осталось. В деревне жили уже одни дачники, последние местные жители исчезли в девяностых годах двадцатого столетия.

Вот уж недоступное место – не чета Тибету, нипочём не добраться, только пешком от станции два часа по колдобинам. А в дождь глинистую почву развозило так, что идти невозможно. Зато в недоступных лесах по просекам – земляники поля, по краю недоступного березничка – маслятки, в недоступных сосняках в августе – черника. Осенью – клюква на недоступном болоте прямо в деревне. Наша-то, закалённая путешественница, как тут и родилась. Ещё радость: туалет, хоть во дворе, но крепкий, удобный, от ветра спасает, это тебе не со шлюпки в море какать! Принцесса наша быстро освоилась, всё в руках горит, и огород и лес, да и с недоступностью всё в порядке: по высшему разряду. Её никто не достаёт, и она тоже!

Мораль: прежде чем скрываться, прикинь, а вдруг тебя никто искать-то не будет?

17.06.2013

Край непуганых принцев

«Охота» Паоло Уччелло

В одной стране было столько принцев, что народ не знал, что с ними делать. Принцы спокойные, на войну не ходили, друг с другом не ссорились, жили мирно. Народ под их правлением изнемогал, однако, потому что принцы люди непростые и к каждому подход надо искать, иногда долго. Звали этих принцев одинаково, по какой-то иронии судьбы. Всех их звали, да что это я, зовут, конечно, зовут! С фантазией у их родителей было видимо не очень, или мода такая на имена была, всегда так. То в стране куда ни глянь все мальчики – Сигизмунды, выйдешь на улицу, крикнешь: Сигизмунд! так все как один оборачиваются. На другой год смотришь, а всю мелкоту зовут, к примеру, Румпельштильхен. И с девчонками так же – нет, чтоб назвать простым королевским именем Мария, так все кругом Алисы.

Наших принцев, всех, как одного, звали Фердинандами. На северной границе страны жил Фердинанд Безупречный. Могло показаться, что он человек благородный, честный, великодушный и поэтому все принцессы, имеющие прописку в радиусе ста километром от Фердинанда Безупречного, ринулись завоёвывать его расположение. Они приезжали толпами, селились на постоянных дворах, опустошали в лавках годовые запасы шоколада, розовых ленточек в галантерейных лавках и розовых кустов в горшках в цветочных лавках. В писчебумажных – после набегов принцесс днём с огнём не найдёшь розовой, бежевой, голубой и чёрной шелковой бумаги по степени убывания популярности. И чернил, но тут сперва исчезали бордовые, потом голубые, и потом уже чёрные, которыми писали полные упрёков письма. В парфюмерных лавках сметались с прилавка все духи, они приобретались принцессами для писем. Письма душили в больших чанах, зараз все. Кому нравилось в «Серебристом ландыше», кому – в «Красной Москве», кому – в «Шанель номер пять».

После душения писем чаны с использованными духами отправляли в армию, на полевые сборы, для отдушки портянок. Принц, проводящий в это же время строевые смотры, поначалу очень удивлялся, почему в палатках солдат пахнет ландышем, а в офицерских – «Красной Москвой». Потом привык и даже с ходу на спор определял с завязанными глазами, кто перед ним, рядовой или офицер, а ему самому шёлковые портянки душили «Шанелью». За время похода он так привыкал к запаху духов, что когда возвращался во дворец, и ему приносили надушенные письма поклонниц, он, не читая, приказывал их выбросить, потому что они напоминали ему солдатские портянки.

Хорошо, что это безумие продолжалось не весь год, а только летом, а в остальное время принцессы выдворяли из пределов провинции и они устремлялись к другим принцам. Принцессы, которые слетались к Фердинанду Безупречному, очарованные его прозвищем, и сами себе нафантазировавшие, какой он замечательный, обиженные его невниманием и пренебре-

жением к достижениям их эпистолярного, можно сказать, жанра, и не догадывались, какой беды они избежали, когда они, обиженные на принца, уезжали из замка. Дело в том, что прозвище «Безупречный» он получил вовсе не потому, что они сами себе напридумывали и намечтали, а вовсе даже по противоположным причинам: «Безупречным» его прозвали потому, что он был таким самолюбивым, что не терпел упрёков в свой адрес. Вообще. Никаких. Как только кто по неосторожности упрекнёт его в чём-либо, он тут же раз – и голову долой. И никаких упрёков. Нет человека – нет упрёков. Вот потому и Безупречный.

На южной границе страны жил Фердинанд Безжалостный. С ним проще всего. Никто не беспокоил принца. Враги боялись его и старались обходить его провинцию седьмой дорогой. И чтобы освободить движение на седьмой дороге от бесконечных заторов и пробок в королевстве приняли решение переименовать все дороги в южной провинции и присвоить им номер семь. Это значительно улучшило остановку. Фердинанд Безжалостный на самом деле был незлобивым, очень вежливым и добрым человеком. Философом. Он придерживался простой и ясной философии. Он считал, что все неприятности оттого, что человек что-то делает, а потом жалеет об этом, а что сделано, то сделано и ничего исправить нельзя и пытаться исправить – только делать ещё хуже. Уж если воткнул кому-то нож в сердце, то не пытайся из сострадания его вытащить, потому что только хуже сделаешь, уж лучше так оставить. Некоторые так и живут с ножом в сердце и ничего – радуются жизни, да ещё и нож свой любят, он даже знал одну такую принцессу, которая свой нож очень любила и ни за что бы с ним не рассталась. Поэтому этот Фердинанд принципиально ни о чём не жалел, что бы он ни сделал, и поэтому его прозвали Безжалостным, а вовсе не потому, что вы подумали.

На западе страны проживал Фердинанд Бездушный. В этой провинции никто не хотел жить. Народ туда пригоняли раз в две недели, заманивая туда обманом, а именно обещанием турпоездки в Египет за двести долларов. Оставались ещё наивные, которые верили таким мерзким лживым обещанием. Вербовщики привозили народ, давали им читать рекламные брошюры и, пока люди читали и мечтали о поездке, вербовщики коварно разворачивались и уезжали, бросив людей на произвол принца. Принц, прознав о таком кошмаре, творимом беспредельщиками-турагентами, принял самые жестокие меры: поймают турагента, и сразу казнят его без суда и следствия. Фантазия у него была бурная, и список казней получился внушительным. Первым делом он посылал коварных турагентов в поездку по тем местам, которые эти самые турагенты рекламировали. «Казни египетские» – шутил он. Это было жестоко, но справедливо. Если они выживали после этого наказания, что бывало редко, потому что они мёрли как мухи: тонули в бассейнах, напившись допьяна в мусульманских странах, где алкоголь запрещён под страхом смерти, травились поддельным алкоголем в тех же мусульманских странах, но если они возвращались, то жестокость его не имела предела: он заставлял их работать на полях, стирать бельё в прачечных, работать поварами, официантами и самое страшное наказание – работать в школах и детсадах с современными детьми. Единственный вид казни, который он не применял, это удушение в объятиях. Поэтому у него и было прозвище – Бездушный, потому что он никогда никого не душил. Так что, несмотря на прозвище, которое могло показаться жестоким, он был справедливым, честным и порядочным человеком.

На востоке проживал Фердинанд Безответный. Вы, конечно, представили себе покладистого, дорого и милого человека, с которым можно делать всё, что вам заблагорассудится. Всё-таки Фердинанд Безответный. Этими же соображениями руководствовались и невесты, которые как бабочки на варенье летели, расправив крылья любви, отметьте: заранее летели, они ещё его в глаза не видали, а уже влюблялись, основывая свои неглубокие чувства только на прозвище, а для серьёзных отношений пустых фантазий явно недостаточно.

Девы, в надежде на взаимное чувство, приезжали к нему во дворец и останавливались на несколько дней. Когда собиралось достаточное число соискательниц, принц объявлял бал. Девы за дни ожидания совсем сходили с ума, а особенно девы, собранные в одном месте, как

пауки в банке. Это страшное зрелище. Они ссорились друг с другом, делали друг другу мелкие пакости: срезали пуговицы, особенным шиком считалось срезать пуговицы прямо перед балом, чтобы соперница не успела пришить их. И ещё: если пуговицы шли в ряд от ворота до подола. Накануне бала привлекательной деве могли подменить жидкое мыло на клей – тогда приходилось стричь голову наголо, и конкурентка сама с позором удалялась. Правда, иногда случались казусы. Одной пышногрудой деве срезали пуговицы, так она пошла не застёгнутая, прикрыв декольте только газовым шарфом, под названием «фишю», и почти завоевала внимание принца! Но не так страшны пакости, которые делали девушки друг другу, как сами девушки – себе. За несколько дней они сами так себя накручивали, что на бал приходили влюбленные, экзальтированные, готовые броситься на принца с выражением своей безмерной горячей любви. Как жаль, что их ожидало самое большое разочарование в жизни. Принц никому не ответил. Он никогда никому не отвечал на любовь. Не хотел – и не отвечал. Никогда. Поэтому его и прозвали Безответный. Вот облом, правда?

На северо-западе, в провинции, граничащей с землями Фердинанда Безупречного и с провинцией Фердинанда Бездушного, лежали поля и леса Фердинанда Беспечного. Вот, казалось бы, где жить хорошо, но все знают, что хорошо там, где нас нет. Во владениях Фердинанда Беспечного всё было не так уж плохо. Народ жил спокойно, чинно, благородно. Еды хватало, никто не голодал, невесты тоже водились. Целыми днями народ возделывал землю, к вечеру после ужина, позволял себе немного расслабиться, но времени на это оставалось мало, потому что слишком много времени уходило непосредственно на приготовление ужина, а так же обеда и, соответственно, завтрака. Это проистекало из того, что принц принципиально, а как же иначе, конечно, принцы всё делают принципиально, такая у них планида, не признавал никаких других источников тепла, кроме костров. Если в других провинциях всё готовили в печах, то в провинции Фердинанда Беспечного, как вы понимаете, печи были запрещены. Вообще. Потому что в глубоком, очень глубоком детстве, маленького Фердинанда отправляли на деревню к дедушке. Дедушка с развлечениями для внука особо не заморачивался: сажал его на печь и занимался своими делами. Однажды он забыл, что определил внука-принца на печь и растопил её слишком сильно. Снял ребёнка только тогда, когда тот проснулся и истошно заорал. Принц сильно пострадал и долго не мог сидеть. После этого происшествия он стал ненавидеть печи, и как только принял бразды правления, то первым же указом строго-настрого запретил использовать в быту печи. Готовить можно только на кострах. Хорошо, что недостаток в топливе не было: из провинции Фердинанда Безупречного привозили обозами пропитанные духами письма поклонниц, которые тот отправлял для разведения костров соседу. И Фердинанд Безответный тоже не жидился: и письма, и послания, и стихи от экзальтированных принцесс тоже оказывались у Фердинанда Беспечного. Топлива хватало.

На северо-востоке, юго-востоке и юго-западе проживали Фердинанд Безвинный, Фердинанд Отчаянный и Фердинанд Настойчивый. Все трое, судя по прозвищам, люди очень благородные и порядочные. Отчаянный немного пугал своим прозвищем, но в целом ничего. Они очень дружили между собой и часто собирались в одном месте. Чаще всего они собирались у Фердинанда Настойчивого. Они садились по-дружески за стол и с чувством, с толком проводили время в неспешных беседах. Они говорили обо всём: о литературе, поэзии и прозе в частности, а их разговоры об изобразительном искусстве вполне бы могли составить программу на канале «Искусство». Их познания в области науки были бездонны. Человеческие отношения тоже не представляли для них никакой тайны, всё открыто взору трёх мудрецов, в общем, сидели, соображали на троих. В окончательной стадии застолья они переходили к самому важному для них вопросу, который каждый раз звучал предельно банально. Догадались? Ты меня уважаешь? Дело в том, что в провинции Фердинанда Безвинного вино запрещено во всех видах. Фердинанд Отчаянный питал необъяснимую ненависть к чаю: просто терпеть его не мог, тошнило его от чая. А Фердинанд Настойчивый самолично и саморучно

готовил такую великолепную по вкусу и градусу настойку, что алчущие Фердинанды отрывались у него от души. Утром, правда, болела голова, но головную боль быстро излечивали стопкой крепкой настойки: «лечи подобное подобным», как говорили древние.

Вот такая страна. По просторам страны как воины-кочевники без толку носились толпы невест от одного Фердинанда до другого и до трёх других неразлучных Фердинандов. Девушки разоряли селения, распугивали диких и домашних животных, мешали проведению сезонных сельскохозяйственных работ, уничтожали запасы почтовой бумаги, чернил, роз в горшках и клубники на грядках, а также мили розовых лент. Центр страны был почти вытоптан их маленькими прелестными ножками, и благодаря их природной чувствительности, любителям полежать в тенёчке под кустиком следовало внимательно выбирать место для отдыха, чтобы не вляпаться в свежую розочку, оставленную юной девушкой.

Мораль: Во-первых, никогда нельзя делать выводы о человеке, основываясь только на его прозвище. Фердинанд Безупречный оказался жестоким и самовлюбленным самодуром, а Фердинанд Безжалостный абсолютно безобидным благородным философом. Во-вторых, девы – самые мудрые существа. Пока принцы маются дурью, девы всё-таки думают о продолжении рода и настойчиво ищут достойных женихов. В-третьих, самый важный, но и самый грустный вывод: принцев много, а замуж выйти не за кого. Вот такая жизнь.

14.06.2013

Замки, воздушные и не очень

«Вавилонская башня» Питер Брейгель Старший»

Она подумала, интересно, какие у других людей воздушные замки? На что похожи? Если бы объявили всемирный конкурс воздушных замков, то какое место занял бы её? У неё тоже, как у многих других людей, был свой воздушный замок. Замку двадцать лет, как и ей самой. Кому как, а для неё он был очень даже реальный, хотя и воздушный. Они у всех разные. Смотря что положить в основание. Какой краеугольный камень, так сказать.

У кого-то, как у её соседа, художника, с которым они даже иногда встречались на общем балконе, выходящем на запад: провожали там солнце на закат, был готический, например. Со стрельчатыми окнами и витражами в стиле пламенеющей готики, несколько мрачный, величественный и торжественный. С нефом, похожим на остов корабля. С мачтами колонн, со сводом, как небо, как его представляют люди, а зачем людям второе небо, если есть настоящее? Не затем ли, что его понять нельзя и оно бесконечно далеко от нас, значит надо сделать своё, рукотворное, понятное им небо. Храм готический, вот оно, небо на земле.

У кого-то, вероятно, мог быть воздушный замок как сад, например, с апельсиновыми деревьями, с густой, сильной, плотной и блестящей листвой, а в ней апельсины как символ недоступности счастья. Сияющие круглые сочные плоды, ты тянешь к ним руки, а ветви как живые взлетают вверх и не поймать, не достать, не сорвать это сочное солнце, не даётся мечта в руки, улетает апельсин в небо, на то он и мечта, символ недоступного счастья, да, не хотела бы она такой воздушный замок.

А у неё был замечательный. У неё небесное небо, им кончался её воздушный замок, а в основании его лежал один камешек, с которого и началось строительство. Замок как облака. Лёгкий. Высокий, который не кончался даже там, где он переходил в небо. Вряд ли какой другой воздушный замок мог бы поспорить с её замком. Он менял свои очертания в зависимости от времени суток. Утром замок вполсилы освещался нежным, цвета разведенного красного

вина светом. Вечером замок словно таял в сиреновом тумане сумерек. Ну, например, однажды в сопровождении легкого приятного ветерка она направилась вверх, собираясь достичь балкона на третьем этаже замка, но по пути сбилась и оказалась на первом, в очень мрачном и тесном помещении, которое как раз и базировалось на краеугольном камне воздушного замка. Еле выбралась! По утрам коварный свет манил её всё выше и выше: она шла по переплетающимся лестницам, опасность заключалась в том, что как бы она ни старалась выбрать направление или высоту подъема, то всё равно ошибалась: лестницы приводили вовсе не туда, куда она хотела, хотя она всё время сверялась с планом замка. А однажды она дошла до пятого этажа, но на повороте воздушной лестницы необдуманно остановилась на смотровой площадке, облокотилась на перила, которые подло растаяли у неё под руками, и она рухнула прямо с высоты пятого этажа. А у замков высота-то этажей побольше, чем у жилых домов, и пятый этаж воздушного замка это как семнадцатый у обычного, блочного дома. Как она тогда осталась жива, непонятно даже ей! Она отделалась переломом ноги и два месяца ходила в гипсе и после того, как сняли гипс, она сама заметила, что нога левая, сломанная, другой человек ни в жизнь не заметит, стала чуть-чуть тоньше, чем правая. И стигбалась тоже чуть хуже, но на походке это тоже никак не отразилось, вообще бы никому в голову не пришло, что она ногу ломала. С тех пор она стала осторожнее гулять по своему воздушному замку.

Замок был очень своевольный, свободолюбивый и надстраивался, как ему заблагорассудится. А так она ходила, после того, как гипс сняли, с костылями ещё месяц, и на себе ощутила, как другие люди с неприятием, особенно, когда у них всё в порядке, смотрят на тех, кто упал со своего воздушного замка. Но ей даже жаль таких: может у них и замка-то никакого воздушного нет, ведь если такой есть, то слишком уж велика возможность с него упасть. У которых такие замки есть, почти все с них летали. Вниз. Кое-кто и вверх, но это очень редко, это те, кто в юности влюбился удачно, кому ответили, кто оба-два невинны и друг на друге эту свою невинность замкнули и так и жили в общем воздушном замке. Вот те редкие экземпляры, возможно, и не падали, и детей там растили и поднимались всё выше и выше по пролётам без падений, но она таких и не знала вовсе, только слышала о них, но слабо верилось. Зато таких, как она сама, кто летал вниз, она видела по жизни очень много.

Один её знакомый человек, или ещё кто-то, надо разобраться, человек ли он, настроил таких замков, и населил их такими чудовищами, что потом всю жизнь с этими чудовищами сражался. Сражался, а потом и вовсе, когда носился с мечом по пещерам, заблудился в своём воздушном замке окончательно, и его собственные чудовища его же и сожрали. Или не сожрали, а просто он с ума сошёл, сам стал чудовищем, бегал потом по своему воздушному замку, похожему на подземелье, и всё в зеркала заглядывал, пытался сам себя отыскать, но так и не нашёл, всё ему какие-то чудовища в зеркалах попадались.

Кто-то совсем пропадал. Никто потом их не видел, она-то думала, что те, которые пропали в своих же воздушных замках, сами виноваты. Она давно поняла, что иногда надо выходить и в реальную жизнь, нельзя всё время в своём замке сидеть, потому что те, кто так делал, таяли от сладости своей мечты. Такие сладкие мечты бывали, что человек только ими и мог питаться, и высасывал всю жизнь из мечты, она погибала, и человек, который за это время так привыкал пить эту сладкую мечту, что когда высасывал её полностью, не мог перейти на нормальную пищу, потому что после сладкой мечты простая еда, конечно, покажется пресной и невкусной, и погибал от голода.

Она знала, что хоть так приятно гулять по своему воздушному замку, но надо не увлекаться и всё-таки иногда выходить оттуда и не заменять реальную жизнь постоянными мечтами.

Некоторые вообще слепли, слышали про снежную слепоту? Это когда альпинисты, например, поднимаются всё выше и выше в горы и, когда доходят до заснеженных вершин, видят вокруг себя только сияние солнца, многократно усиленное отражением лучей от блестящего

снега, и яркость эта сжигает им глаза. Так и с мечтами. Если только на них глядеть, то их блеск слепил человека и он, потеряв зрение, тоже не мог найти обратную дорогу из воздушного замка, и оставался в его лабиринтах, слепой как крот. Кто погибал, а кто и находил в своём плачевном положении прелесть. У некоторых ослепших от блеска мечты, прорезался божественный слух, они слышали недоступные другим звуки, и пытались рассказать другим об этой музыке сфер, но им не верили те, кто таких звуков не слышал, а кто слышал, те рассказов не слушали, получается замкнутый круг бесполезных усилий. Впрочем, все воздушные замки это в той или иной степени замкнутый круг бесполезных усилий.

В общем, воздушные замки явление хоть и красивое, но небезопасное. Она-то со своей сломанной ногой это знала лучше всех, потому что травма её была не смертельная, но достаточно серьёзная, что бы сделать правильные выводы. Ей ужасно надоело бродить по воздушному замку в одиночку, что опасно. Пора бы уже детишек завести и гулять по замку в компании мужа и парочки крошек, в которых временами видеть себя, а временами мужа, только не всегда набор хромосом поровну от каждого родителя обеспечивает внешнее сходство с каждым из супругов, иногда и вовсе нельзя найти что-то общее, но это тоже ни о чём не говорит, потому что такие качества как ум, музыкальный слух, художественный вкус передаются по наследству, никак не отражаясь на внешнем облике.

И вот, значит, чтобы выйти замуж, она стала приглядываться к соседям, чтобы выяснить по облику воздушного замка, насколько они похожи, и будет ли каждому комфортно в воздушном замке избранника.

Рядом, почти соприкасаясь крышами, находились замки трёх молодых людей. Первый – поэт. У него был замок в виде высоченной стопки книг, положенных одна на другую, в силу темперамента поэта не ровно, а как попало, что очень роднило замок невесты и замок поэта. Другой – бард. У барда замок был в виде гитары, наподобие сцены Грушинского фестиваля, поставленной вертикально. Такой замок нашей невесте тоже по вкусу. А третий – художник. У него замок был как готический собор, см. выше, в начале рассказа. Этот замок нравился невесте безусловно.

Ей-то, конечно, хотелось, чтобы в её партнёре сочетались все три ипостаси, но она понимала, что это невозможно. Надо выбирать и срочно, потому что с каждой секундой годы неслись всё быстрее, и если так дальше пойдет, она ни вздохнуть, ни ахнуть не успеет, как наступит пенсия, и тогда ей только останется сигануть с верха воздушного замка вниз, а к тому времени замок вырастет, и падать будет ну очень высоко и больно.

Она решила, что надо объявить рыцарский турнир, и победитель турнира будет удостоен чести стать её счастливым мужем, а как всякая девушка, она ничуть не сомневалась, что быть её мужем – это настоящее счастье. Вот бы она удивилась, если бы волшебным образом узнала, что её муж скажет потом, после двадцати лет счастливого брака. А сейчас, невеста в самом цвету, могла, конечно, объявить турнир, и никто бы её в этом не упрекнул, кроме старого умудрённого опытом козла, про которого говорили, что любовь зла, полюбишь и козла, и который как раз знал об этой особенности красивых молодых девушек влюбляться в таких старых козлов, как он. Кому и знать-то, как ни ему.

Объявляет, значит, она турнир, а ей-то невдомёк, как трое могут такой турнир организовать. Надо четыре, как минимум, а лучше восемь, тогда и четвертьфинал, и полуфинал и финал будут обеспечены, и зрелищность будет на самом высшем уровне. Ну, трое претендентов уже есть, четвертого найти, как они полагали, не проблема, ан, нет! Сколько они не подходили к молодым мужчинам и не спрашивали, четвёртым будешь? все поголовно крутили пальцем у виска, молча. Некоторые, правда, говорили, вы бы ребята, спрашивали: третьим будешь, то каждый бы с радостью, а четвёртым-то никто быть не хочет.

Искали они долго, и никто не изъявлял желания. Они к старому козлу: не хватает одного участника, ну будь человеком, козёл, помоги! Тот категорически отказался, даже разговаривать

не стал, сказал только, что он в таких глупостях перестал участвовать ещё двадцать лет назад и возвращаться в детство не собирается. И пошёл в огород, пугать бабочек-капустниц, которых он считал своими кровными врагами и гонял из огорода своим козлиным пением, они от него разлетались как сумасшедшие, ломая крылья. И не только они, все, кто ещё мог шевелиться, расплозились и разбежались, только заслышав, как поёт козёл.

Тогда уговорить козла решила невеста без места: она узнала номер его мобильного телефона и позвонила:

– Не вы ли тот знаменитый козёл, про которого ходит легенда, что в него влюбляются все без исключения молодые девушки? (Хороший ход: козёл, он хоть и козёл, но отнюдь не чужд людским слабостям: тщеславию и самолюбованию).

– Да, – говорит он, – несомненно, это я.

– Ах, ах, – говорит она, – а как же вы можете подтвердить, что это именно вы? (хитрая, бестия, подумал козел)

– Я, – говорит, – доказывать вам ничего не собираюсь, потому что мне это на фиг не удалось. Хотите, – говорит, – верьте, хотите, нет, мне это совершенно индифферентно.

Тут невеста почувствовала жгучий интерес к козлу, который так ловко ввернул такое мудрёное словцо, потому что она сама была без ума от изящной словесности и сочиняла премиленькие опусы исключительно в прозе. Она пошла ва-банк.

– Вы, я вижу, образованный и тонкий козёл, – сказала она, – и я желала бы выйти за вас замуж, если бы вы сообразовались бы, – тут у неё язык завязался в узелок за счёт обилия частиц «бы» и «ли», и она смущенно замолчала, тогда великодушный козёл закончил фразу за неё: «принять участие в турнире и победить»?

– Да-да-да, – облегченно выдохнула невеста, почувствовав благодарность за то, что он так ловко её язычок развязал. Старый козёл согласился, скрепя сердце, это тоже весьма непонятный речевой оборот. Некоторые люди не задумываются и говорят: скрипя сердцем, словно оно от нежелания делать что-либо, скрипит, какая глупость! Правильно говорить: «скрепя сердце», то есть сердце разрывается, оттого, что вы должны сделать что-либо, чего вам не хочется. А вас очень просят, просто умоляют, стоя на коленях, и вы, чтобы оно не разорвалось, скрепляете сердце, не знаю там чем, железными обручами, как в сказках Гримм, или скрепя пластырем, как представляют врачи, или прутиками, как рыболовы и охотники, всё-таки делаете то, о чём вас попросили люди, стоя на коленях и орошая слезами ваши не слишком чистые ноги.

Итак, всё готово. Четыре участника, куча зевак и невеста в белом платье в первом ряду, уже совсем готовая выйти замуж за победителя, кроме, конечно, козла, который участвовал только для ровного счёта. Первая пара: Бард и художник. Каждый вышел со своим оружием, что предусмотрено правилами поединка. Каждый рыцарь на боевом коне со своими верными оруженосцами в доспехах: у художника вместо щита – мольберт, а вместо пики – кисть, которой он в мирное время ваяет маслом свои шедевры, а у барда не было щита, только гитара в руках, которая служила и оружием и защитой. Рыцари прищипорили коней и понеслись навстречу своей судьбе: они встретились на середине дистанции и казалось, художник победит, как в самый ответственный момент тяжелый мольберт перевесил и грохнулся прямо под ноги арабского некрупного, лёгкого с щучьей мордой коня, и в этот момент с громогласным аккордом гитара барда опустилась на голову несчастного художника, хорошо, что он был в огромном бархатном берете с плюмажем, а то разбил бы бестолковку-то. Зрители взревели от восторга и скрытого желания поучаствовать в таком замечательном поединке.

Вторая пара, естественно своим ходом, без коней, чтобы не обижать козла, появилась на арене: старый козёл выглядел как... как старый козёл, а поэт как молодой. Он приготовился как нельзя лучше: взял в руки вместо меча томик своих стихов, а старый козёл только вставил в уши побольше ваты. Чтобы не звенело в ушах, когда его будут бить, а остального он не боялся, ну, правда, чего может бояться старый козёл, правильно, ничего! Они вышли на

середину. Старый козёл только занёс рога, чтобы огреть молодого поэта по затылку, как поэт, ничтоже сумняшеся, открыл томик своих стихов и как шарахнул ими, то есть отдекламировал старого козла, а в результате пострадали невинные зрители. Поэт об этом не подумал, этого он не предусмотрел. Стихи были такие плохие, такие тяжёлые, такие ужасные, что люди с тонким вкусом просто корчились на трибунах. Однако невеста не пострадала, она не особо разбиралась в стихах, она писала только прозу, и рифмой «кровь-любовь» и «роза-мороза» её не прошибёшь, как и старого козла, который как вы помните, вставил в уши вату, чтобы не звенело в голове. Так что козлу хоть бы хны. Молодой козёл, простите, поэт, получил по рогам, пока ещё маленьким и, поклонившись, гордо удалился.

В финале остался бард со сломанной гитарой и старый козёл с ватой в ушах. Исход поединка никого не удивил. Бард попробовал оглушить козла своим бляением, но как известно, барды без гитары почти ничего пропеть не могут. И когда бард, исполнив кое-как песню без аккомпанемента, повернулся лицом к публике и отвесил низкий поклон, старый козёл не растерялся и вполсилы поддал рогами прямёхонько под центр тяжести барда, в результате чего тот улетел с арены. Всех победил старый козёл. Невеста обрадовалась. Оказывается, ей нравился старый козёл, такой мужественный, харизматичный, а его молчаливость и лёгкая мужская грубость придавали ему флёр таинственности.

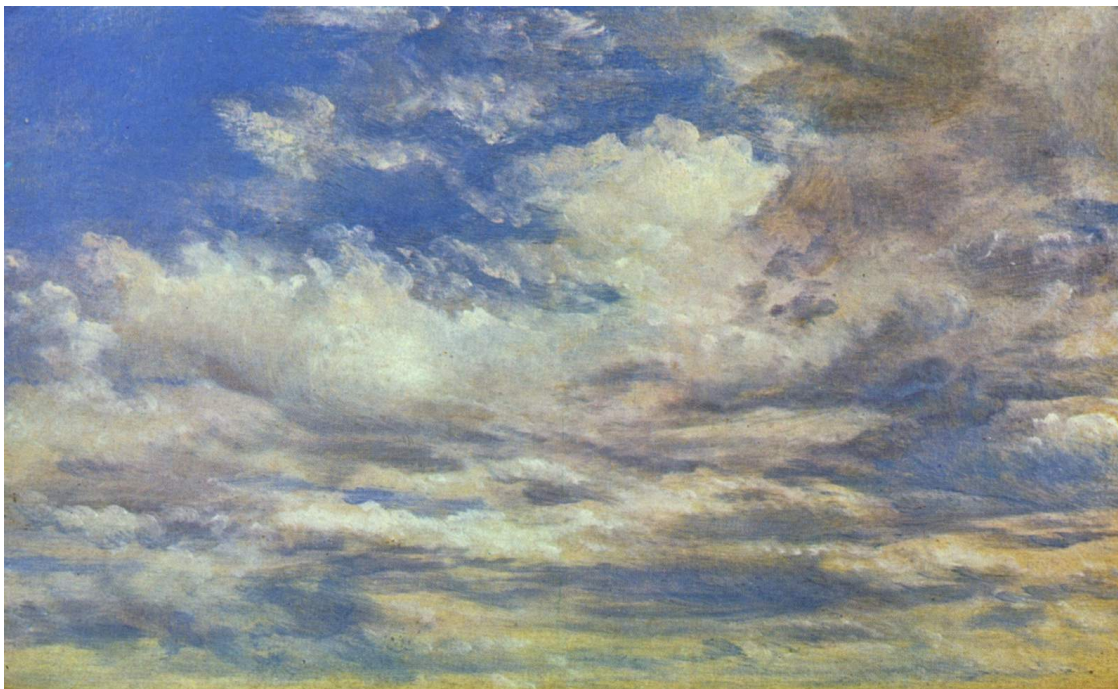
Так в жизни часто бывает: собирается выйти какая-нибудь девушка за козла, все кругом видят, что он козёл, и даже говорят ей: «не надо, не ходи за него замуж, он козёл», а она твердит только: «он хороший, вы его не понимаете, он такой замечательный, такой нежный, он так страдает, он такой тонкий». И здесь тоже самое: козёл как козёл, да ещё и немолодой, старый, можно сказать, а она: «он такой смелый, он такой мужественный, суровый, молчаливый», конечно, будешь молчаливый, если вату из ушей забудешь вытащить, а наш-то козел, как раз и забыл, поэтому она ему: «милый мой, красивый, умный, хороший, любимый», а он молчит, не слышит потому что, а она только распаляется оттого, что он молчит, и всё вокруг него ходит, хоть словечка от него добивается: «мой родной, мой талантливый», а он опять ни гугу, и так она от этого влюбилась, что для неё все остальные козлы просто перестали существовать.

Пара получилась гармоничная и прочная. Её замок воздушный перенесли на его огород, она больше времени стала проводить на природе, на грядках, крепко стоя на земле, поэтому ноги больше не ломала, но и замок тоже пригодился, она туда экскурсии стала водить: и ей веселее, и достаток в доме. Прожили друг с другом прекрасную жизнь, полную любви и согласия. Детки козлята, внуки козлятки. Благодарь!

Мораль: хорошо, когда жена любит мужа, а муж не спорит с женой, и неважно, что муж козёл, жена сама его вознесёт на пьедестал, главное, чтобы он был загадочным и молчаливым – глухим, одним словом!

27.06.2013

В поисках рая

«Облака» Джон Констебль

Беда с этим пергаментом! В отеле странные принадлежности для письма: пергамент, заточенное гусиное перо, поэтому никак не получается красивое письмо: то перо зацепится и брызнет фонтанчиком бордового цвета (чернил тут нет, и приходится писать гранатовым соком, окуная перо прямо в размятый в ладонях плод), то попадётся слишком мягкий кусок пергамента, и все чёткие мысли становятся расплывчатыми неразборчивыми строчками. И потом не так-то просто скрутить его в трубочку, чтобы затолкать в бутылку и – А-а-а-а-х – поёт бутылка и гулко плюхается, уходит под воду и выпрыгивает на поверхность блестящим скользким поплавком.

– Мой балкон выходит на восток – пишет она, высунув от старания язычок, – море как чаша с поднятыми краями, дымка на горизонте, там, где через несколько мгновений должно появиться пылающее око Бога, скрывает самый торжественный и интимный момент появления солнечного диска из водной стихии. Почему? Наверное, Бог жалеет людей, ведь узрев такую полную, торжественную красоту, человеческое сердце может не выдержать восторга и разорвётся. Потому-то солнце никогда не встает из-за чистой линии горизонта, и поэтому закрывают женское лицо, оставляя одни глаза, – пёрышко дрожит в руке, и гранатовый сок стекает с него капелькой крови...

– Любимый мой, здесь настоящий рай!!! – нацарапано на пергаменте, спрятанном в бутылке, она покачивается, и строчки путаются, перемешиваются, играют друг с другом.

– Кстати, отель так и называется «Парадиз». Окна его синими очами смотрят в океан и не могут наглядеться, стены его, белые как облака, прячутся в апельсиновых и гранатовых садах. Лестницы сбегает к морю и встают у кромки воды, а она лижет берег – сухой песок темнеет и твердеет от влажной ласки волн. Розы в саду сочны и прохладны, они свёрнуты в нежные кулачки, забираясь в которые лепесток за лепестком, пальчиками, языком, пытаюсь разжать этот кулачок как ручку младенца. Она поддается и нежно раскрывается. И благоухает, и нежно холодит кожу. А ещё я сегодня купалась голышом, и волны бились прямо мне в сердце. И я была морем, и море было мной. А потом я лежала на мелком, словно высыпанном из миллиардов

песочных часов песке, кому нужны часы, если есть вечность, а по лицу бродили тени, как будто кто-то родной, кого уже нет, проходит мимо.

Здесь растут оливковые деревья, которые не знают смерти. Плоть дерева с терпким и острым запахом, закаленная солнцем, ветрами и людскими сражениями, тверда и тяжела. Вот здесь, зажившим шрамом в теле дерева живёт память о том, как у его корней сидели римские воины, с такими же каменными, как дерево, скулами, с отблесками костра на них. Немало войн повидало дерево с тех пор, много людей, обнимавших его ствол в порыве благодарности за тень и пищу, давно стали бесприютной пылью, умерли они, их дети, умерли те, кто помнил их, и умерли те, кто не помнил, а оливковое дерево всё живёт.

Рукою Бога записаны законы и истории на коре этих могучих деревьев. Здесь говорят, что запах оливкового дерева – это запах родителей, потому что оливковые деревья принадлежат людям и передаются по наследству, дерево принадлежит роду. Дерево – душа семьи, не только еда, хотя нет ничего вкуснее ломтя хлеба, который нужно обмакнуть сначала в масло, а потом слегка в мёд. Дерево не только кормит и лечит, оно собирает всех членов семьи под своей кроной, передаёт от старших младшим чувство единения, мудрость веков, эту связь не разрушить ничем, она вечна, как само дерево. К этой вечной и живой душе можно нежно прикоснуться, опереться плечом, чтобы впитать её силу. Можно отдохнуть в её тени, можно подарить своим детям, и детям детей, тогда и твоё незримое присутствие будет охранять потомков, пока живо это дерево, можно подарить память обо всех предках, их жизни, надеждах и желаниях, и дерево будет хранить их дыхание, тепло и память – вечно!

Бултых! Следующее письмо в бутылке закачалась в тёплых волнах.

– В соседнем номере живёт пожилой господин с супругой, – пишет она, – очень приятной дамой. Каждое утро он разговаривает на балконе с солнцем, и я могу разобрать слова: дети мои, яблоко, море, небо... Чаше он молча улыбается в роскошную белую бороду. Его жена сурова, всё ещё очень красива и скрывает старые шрамы на запястьях и щиколотках под массивными золотыми браслетами. Иногда она смотрит на мужа с укором, а он на неё – сердито, но на дне его глаз плещется вина. Мне она посоветовала никогда не позволять мужчине подвесить себя между небом и землёй, даже на золотых цепях... Не поздно ли?

Однажды вечером, когда её мужа не было, а мы с ней дегустировали розовое вино, она вдруг сказала, – «Ты не смотри, что он с виду такой красивый и благородный, на самом деле он ни одной юбки не пропустит, и не только юбки. Тут недавно была у него блондинка, толстая, как корова, а когда ему кого-то хочется до безумия, он сам на себя становится не похож. Для этой европейки, которой нравились бодибилдеры, он так накачался, что издалека его можно было принять за быка. А для одной известной модели, которая занималась благотворительностью, несколько недель был нежен, словно мягкая игрушка из лебяжьего пуха... Уж я не говорю, что если его пассия любит деньги, то он просто готов сам пролиться золотым дождём. Он не смотрит, девушка или юноша – однажды влюбился в пацана, почти ребенка, так он как орёл отгонял от него всех подряд... Мог быть нежным как облако, и как змея, заползал женщинам в сердце. Одной родственнице своей совсем голову заморочил, а потом и дочери её молодой тоже. А однажды пришёл, это громко сказано «пришёл» – приполз с какой-то буйной бомжихой, сам пьяный, как сатир. Почему это я молчу? Нет, я не молчу! Я однажды высказалась и поплатилась, – вздохнула она, потирая свои шрамы на запястьях...

– Почему я с ним живу, не ухожу? А кто сказал, что мужчина должен быть непременно однолюбом? Когда я с ним, я забываю всё – улетаю, мне и сладко, и больно одновременно, я в себе открываю такое, о чём даже не знала! Я с ним сама новая каждый день, вот уже триста лет, ой, оговорились, тридцать, и я не знаю, чего тебе пожелать: чтобы ты тоже такое чувство испытала, или пожелать, чтобы ты никогда этого не чувствовала, но ты поверь: и то и другое – счастье. Счастье – так мучиться, любя. И счастье – не знать таких страданий, если тебе такая любовь не встретится. Не понимаешь? Влюбишься – поймёшь! Но детки! Детки у него получа-

ются хорошо! Вот мои три сыночка, например, все как на картинке! Одного я только уронила, хроменький он теперь.

Кто я такая, чтобы только мне одной такое счастье досталось – дети от него, пусть и другие попробуют моего мужа целовать да обнимать! Он вообще детей любит! У него куча внебрачных детей! Об одной своей любовнице он столько думал, что когда у неё от него дочь родилась, он так себя вёл, будто сам её родил, так и говорил: я её сам в своей голове создал! А от другой у него такая красивая дочурка получилась, загляденье, правда потом из-за неё война была. Да, к детям он очень трепетно относится, однажды по просьбе любовницы он ей во всей своей красе показался, а она уже беременная была, и она от восхищения тут же родила и умерла на месте, так он младенца в свое бедро зашил и доносил-таки, может и любит его больше остальных, слабенького. Много их, всех и не упомнишь! Ещё один сын, его сын, не мой, на весь мир прославился подвигами своими, может, слыхала? Скажешь, что у него ни стыда ни совести, а ведь это он людям совесть вложил, им-то вложил – самому не хватило! – Она горько рассмеялась, а потом заплакала.

– Так что же, никто ему никогда не отказывал? – спросила я.

– Нет, – покачала она головой, – не припомню, хотя был случай, отказала ему одна дикарка-колдунья. Гордая была слишком, гордость её и сгубила, вышла она потом замуж по большой любви, после того, как помогла своему парню ограбить хранилище древностей, много золота вынесли, и она уже не могла остаться дома, ей бы не простили, ну и убежала с ним, бросив всех своих родных. Но муж ей изменил, хотел развестись, забрать детей, у него уже второй брак выгодный намечался. Так она ту женщину убила, отца её тоже, своих детей не пожалела, тоже убила, только чтобы ему побольнее сделать, даже тела детей мужу не отдала, он их не увидел, не похоронил, от горя спился, стал бродягой, скитался и умер случайной смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.